

НАША СТРАНА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ
“NUESTRO PAIS”

SEMENARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual Nº 523.142

Correo
Central B.
Argentina

FRANQUEO PAGADO
Concesión Nº 4233
Concesión No. 3980

INTERES GENERAL

AÑO X Buenos Aires, Jueves, 14 de noviembre de 1957

Буэнос Айрес, четверг, 14-го ноября 1957 года

№ 408

АЛЕКСЕЙ РОСТОВ

НА РОДИНЕ

71. НОВЫЙ КРЕМЛЕВСКИЙ ПЕРЕВОРОТ НЕ ПРОХОДИТ СТОЛЬ ГЛАДКО, КАК ПРЕЖНИЕ. — КОНЧИНА СОВЕТСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ И ИЕРАРХОВ МОКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ.

Читатели помнят, что в моем 63-ем обзоре, помещенном в № 393 “Нашей Страны” от 1-го августа с. г., я писал, что Хрущев следует по пути Сталина и дошел в июне с. г. до того маневра, который удался Сталину в 1926 г., с устранением Зиновьева и Каменева, помогших ему свергнуть Троцкого. Дальше ему следует, писал я, устранить соперников Микояна, Суслова, Булганина, как Сталин ликвидировал Рыкова, Бухарина, Томского, потом приняться за маршалов во главе с Жуковым, как Сталин взялся за Тухачевского и всех видных полководцев. Не думал я тогда, что мое предсказание исполнится так скоро, еще до 40-летия появления у власти большевиков.

Но в отличие от Сталина, сначала нававшего на опасных ему соперников “правого уклона”, а потом кинувшегося истреблять маршалов, Хрущев учел, что сейчас гораздо страшнее растущее влияние военных членов ЦК, нежели стареющие сталинские последыши Микоян, Ворошилов, Булганин и их младшие товарищи Суслов или Пospelов.

Поэтому, еще не закончив борьбу против вышибаемых отсюда без сопротивления молотозвев и маленковцев, Хрущев решил ударить по самому влиятельному сейчас сопернику на пути к единоличной диктатуре маршалу Жукову. К члзасенному удару по главному противнику его побудили следующие причины.

1. Жуков является самым популярным из всех членов президиума ЦК и из всех советских маршалов, вмешательство которого в борьбу между Хрущевым и его противниками в конце июля с. г. решило исход борьбы, принеся победу Хрущеву с выдвиганием маршала в члены президиума ЦК на положение, равное Хрущеву, но с обеспеченной поддержкой со стороны советского столичного генералитета;

2. В отличие от всех других соперников (Микояна, Суслова, Булганина), Жуков совершенно непричастен к сталинским злодеяниям довоенной и послевоенной эпох, не обогрил свои руки в крови бесчисленных неповинных жертв и потому его ничуть не марают разоблачения десталинизации;

3. Он пользуется в глазах армии и народа славой спасителя Москвы, победителя под Сталинградом, на Курской дуге, на Днепре, на Висле и под Берлином, овладевшего всеми германскими твердынями от сталинградского бункера маршала Паулуса до берлинского бункера Гитлера;

4. Созданная ему американцами непростительная репутация “друга Эйзенхауэра” позволяет видеть в нем ту политическую фигуру, которая сумела бы договориться с Западом и устранить нависшую над миром угрозу войны.

За последнее время маршал начал играть слишком крупную роль, затмевая даже самого Хрущева. Венцом его триумфа явилась поездка к Тито на роли посланца не только армии, в качестве военного министра, но и партии и всего правительства, для важнейших переговоров с Тито, и демонстративное его братание в Белграде с двумя патриархами: югославским Викентием и московским Алексием. Его долгое пребывание в Югославии и Албании позволи-

ло Хрущеву мастерски подготовить и нанести решающий удар.

Подобно Сталину, Хрущев понимает, что внезапно нанесенный удар по медленно подготовляющемуся к борьбе против него противнику обеспечивает значительную вероятность успеха, чего не понимали ни противники Сталина, ни соперники Хрущева. Я никогда лично не верил в существование заговора Тухачевского, хотя меня потом уверяли оказавшиеся в годы войны по эту сторону фронта советские офицеры, что якобы такой заговор существовал, но заговорщики методично выжидали момент для успешного выступления, пока их всех самих не арестовали. Этими же свойствами отличаются, вероятно, Жуков и его сторонники.

Хрущев правильно учел слабые стороны маршала Жукова, менее искусственного в политических интригах, нежели сталинские последыши, подлые и двуличные знатоки человеческих слабостей. Самыми уязвимыми местами у Жукова можно считать:

1. Его личную трусость и нерешительность — воспитанный в казарме в страхе перед любым политруком — он показал себя трусом, когда в период наибольшей своей популярности, после победы над Германией, подчинился приказу о сдаче командования оккупационной армией в Германии и поехал опальным сановником на родину. Ведь тогда не Сталин, а он пользовался огромным авторитетом в армии и среди оккупационных частей и в самой России; армия еще не была демобилизована; войны еще не забыли боевых подвигам, за ним стояли широкие массы народа. За границей ему обеспечена была поддержка всех союзников и всех партизанских частей в странах-сателлитах. Против него были бы лишь сталинские тыловые холопы и готовые перекинуться к нему при первом успехе бессовестные чешкисты, жалкие фигуры советско-партийного тыла. Но он упустил момент и показал себя трусливым сталинским разжалованным холопом!

2. Будучи политически менее образованным, чем сталинские последыши, Жуков никогда не выдвигал никакой политической программы. Ведь, и сейчас, свергну он Хрущева, что он принес бы народу? Поднять народ или армию можно во имя какой-то программы, а не просто потому, что braveй маршал кажется симпатичнее сталинского холопа.

3. Большой удар нанес Жукову вольно, или скорее невольно, Аллан Даллес, заявивший в печати, что по данным его агентуры власть в России скоро перейдет от Хрущева к Жукову. Этим он сразу его скомпрометировал в партийных кругах и дал возможность его врагам заявить при случае, что он готовит переворот с ведома (а возможно и при поддержке) главы американской разведки, которая рассчитывает на его скорую победу, совпадающую с планами иностранных правительств. Это его очень очернило в глазах многих не только партийных бюрократов, но и военных, враждебных всяким попыткам подчинения СССР иностранным правительствам. При всей нашей скромности все же полагаем, что, если бы “Наша Страна” напечатала, что, по на-

шим сведениям какой-нибудь Аристов или Брежнев сейчас собирает сторонников для свержения Хрущева, то это передано было бы в Москву и доставило бы этому партийцу некоторые неприятности, ибо Серов решил бы, что “нет дыма без огня”. А в данном случае об этом писало такое осведомленное лицо, как Аллан Даллес!

4. Если можно думать, что выступление Жукова против Хрущева нашло бы поддержку среди его противников в ЦК и всех сторонников Маленкова, то зато и свержение Жукова вовсе не вызывает единодушного отпора всех военных бюрократов, как увидят дальше читатели.

Видя растущее влияние Жукова, Хрущев решил его свалить на большом вопросе о политическом контроле и воспитании армии, по которому Жуков и раньше высказывал противные партийным воззрениям суждения. В чем же суть этих расхождений?

По почину Ленина, горячо поддержанному Троцким, военные комиссары были введены в 1918 г. в новорожденной Красной Армии для политического надзора за мобилизованными офицерами и унтер-офицерами Императорской армии, сплошь беспартийными и, в огромном большинстве, антисоветски настроенными. Комиссары наряду с контролем всякого их шага, всякого боевого приказа, занимались воспитанием мобилизованной массы красноармейцев в коммунистических принципах и идеях. Но с середины 30-х годов подавляющая масса старого кадрового офицерства вымерла или была демобилизована; ее сменили красные командиры из вступивших в партию солдат, политически не отличающихся от политруков. Вместо Брусилова, Парского, Лебедева, Бонч-Бруевича, Балтийского, Ольдерогге, Шорина, мы видим Тухачевского, Якира, Уборевича, Котовского, Пархоменко, Дыбенко, Блюхера и им подобных. При ликвидации “заговора” Тухачевского, комиссаров, как Гамарника, Лудри, Эйдемана, расстреливали рядом с строевиками-соратниками Тухачевского или Егорова. Затем, в годы войны политические комиссары были восстановлены для контроля партийных же командиров, против чего пытались возражать полководцы и во втором периоде войны комиссары были по существу ликвидированы. Теперь Жуков считает, что нелепо поручать политический контроль партийцу над партийным же маршалом или генералом. Политуправление может быть лишь школой партийного воспитания солдат, но с подчинением не ЦК, а военному командованию, отвечающему перед партией за военную и политическую подготовку вооруженных сил к войне.

После отъезда Жукова с группой генералов в Югославию, Хрущев потребовал от заменявшего его маршала Малиновского доклада о состоянии дисциплины в войсках, а от начальника политуправления генерал-полковника Желтова — доклада о постановке в армии политучебы. Оба, по некоторым неподдающимся проверке данным, ответили, что дисциплина и политическое воспитание войск запущены вследствие пренебрежения к ним маршала Жукова, посвящающего все время военному обучению, в ущерб политическому воспитанию офицеров и солдат. Уверяют, что подобные же жалобы исходили от обиженного Жуковым маршала Баграмяна, которого он перевел с поста начальника бронетанковых и механизированных войск на пост начальника Бронетанковой Военной Академии имени Сталина.

В руках Хрущева оказался материал, чтоб потребовать от членов президиума ЦК удаления Жукова с поста министра обороны. В это время Жуков

В НОМЕРЕ:

Алексей Ростов
НА РОДИНЕ

Полк. П. Н. Богданович
МЕМУАРЫ ЛИТВИНОВА
(Продолжение)

Н. Потоцкий
ОБЗОР ПЕЧАТИ

Александра Воронцова
ЗАПИСКИ ПЕРЕВОДЧИЦЫ

Г. Месняев
ПО ЛОЖНЫМ ПУТЯМ

Михаил Бойков
МУЗЕИ В ХРАМАХ

вел с Тито важные переговоры, о которых я писал в предыдущей статье. Хрущев, под шум обострившегося конфликта с Западом из-за мнимых угроз Турции против Сирии, через посла в Белграде И. К. Замчевского передал Жукову поручение посетить Албанию для урегулирования албано-югославянских разногласий, препятствующих намечающемуся возвращению Тито в советский лагерь. Жуков 17-го октября отправился на три дня в Албанию, отложив, таким образом, свое возвращение в Москву, где мог бы парализовать хрущевские интриги. Но, затем, Хрущев передал Жукову через посла в Албании Вас. Ив. Иванова поручение выяснить возможность организовать там советские атомные базы, которые держали бы под угрозой Италию и весь бассейн Средиземного моря.

Выполнение этого поручения привело к тому, что Жуков, несмотря на приход за ним в Дураццо советского крейсера “Куйбышев”, вызванного к 20 октября, остался еще на целую неделю в Албании.

Тем временем, был удален из Москвы близкий Жукову маршал Рокоссовский. Никогда в советской печати не сообщается о назначениях командующих военными округами, что считается “военной тайной”. Но 25-го октября в хронике “Правды” на 4-й стр. появилось странное сообщение: “в газете “Заря Востока” от 23 октября с. г. опубликовано сообщение о том, что Маршал Советского Союза Рокоссовский К. К. назначен командующим войсками Закавказского военного округа”. Никогда не бывало раньше, чтоб перевод из Москвы маршала (Рокоссовский был по возвращении из Варшавы назначен зам. министра обороны) публиковалось за чем-то в провинциальной печати, а затем “Правда” сообщала бы об этом всему миру с ссылкой на Тбилисскую газету.

Узнав об этом, я сначала воспринял это, как военную угрозу Турции посылкой на ее границу знаменитого полковника прошлой войны на смену малоизвестному генерал-полковнику Ив. Ив. Федюнинского, а теперь вижу в этом скорее удаление из Москвы ярого сторонника маршала Жукова. Теперь выясняется, что в отсутствие Жукова на пост зам. министра обороны преемником Рокоссовскому назначен маршал Баграмян.

Почуввав неладное (а, может быть, кем-нибудь осведомленный), Жуков прервал свое пребывание в Албании и вылетел прямо в Москву самолетом, отметив длинную поездку морским путем. Но 27-го октября в хронике “Правды” снова на последней странице в конце последнего столбца появилось лаконичное сообщение:

«Президиум Верховного Совета СССР назначил маршала Советского Союза Малиновского, Родиона Яковлевича, Министром обороны СССР. Президиум Верховного Совета СССР освободил Маршала Советского Союза Жукова, Георгия Константиновича, от обязанностей Министра обороны СССР». Поражает краткость этой формулы без обычной добавки «в связи с переходом на другую работу». Получается впечатление, что он не получает нового назначения в стране, где «нет безработицы», значит, скоро лишится свободы (что, несомненно, входило в планы Хрущева).

По прибытии в Москву, Жуков не нашел на Внуковском аэродроме не только обычной парадной встречи, но и никого из властей, а дальше идут только странные догадки. Вероятно, решение президиума ЦК о его смещении было для большего авторитета предложено на утверждение срочно созданного пленума ЦК, но тут встретило чью то необычную в таких случаях оппозицию. Никогда раньше не откладывалось так долго сообщение о принятых решениях. В прошлый раз прения по поднятому врагами Хрущева предложению о его замене Шепиловым длились 9 дней, но зато до созыва этого секретного пленума не было никаких газетных сообщений, а тут Хрущев настоял на опубликовании до созыва Пленума сообщения о смещении Жукова, чтоб поставить пленум перед совершившимся фактом. Многие досужие знатоки советских проблем на Западе пытались утверждать, что предполагается назначение Жукова премьером, что несомненно с постом министра обороны.

Это просто нелепо: при новом назначении не требуется ни часу ходить безработным: когда умер Сталин, то для назначения Жукова зам. министра вовсе не нужно было сначала увольнять его с поста командующего Свердловским военным округом!

Еще оригинальнее было появление, два дня спустя, Хрущева, Булганина, Микояна и маршала Баграмяна на банкете в турецком посольстве по случаю турецкого национального праздника. Сразу после военных угроз Хрущева по адресу Турции, назначения Рокоссовского командующим пограничным с Турцией округом и бряцания оружием, это появление на банкете вождя СССР напомнило Каноссу, или покаянную поездку Хрущева к Тито. Прием был назначен на 4 часа. Из Кремля звонили, что просят его перенести на 6 часов, потом на 9 часов. Все гости собрались и в половине десятого явились сановники пить за мир, за дружбу. Хрущев заявил, что опасность войны уменьшилась, проклят тот, кто хочет войны, лучше пить за «спутник» — символ мира! Указав на югославянского посла Мичуновича, Хрущев заявил: «Вот, человек, который не принадлежит ни к какому блоку. Поэтому он мне нравится!»

Журналисты сразу спросили его о судьбе маршала Жукова, и Хрущев, скрывающий от русского народа тайны Кремля, счел нужным оправдываться перед западными журналистами: «Я сегодня видел маршала Жукова. Он жив и здоров (значит в этом можно было сомневаться?). Мы сейчас обсуждаем: какое ему дать назначение». В ходе беседы он добавил: «Так всегда бывает в природе, клеточка умирает, ее сменяет другая, но жизнь продолжается». Торжествующий маршал Баграмян впервые появившийся в качестве зам. министра обороны (Малиновского не было) заявил: «Недавно сместили в Соед. Штатах военного министра Винсона и это не вызвало никаких сенсаций». На замечание, что о его смещении было заранее известно и газеты об этом много писали, а о Жукове появилось лаконичное сообщение без всяких деталей и комментариев, он пожал плечами. По другим данным эти слова были произнесены Хрущевым. С явным владением Баграмян добавил: «Теперь уже Жуков не собирается больше за границу!»

На прощание Хрущев заявил журналистам: «Теперь идите спать! спите спо-

койно сегодня, завтра и в последующие дни. Мы дадим сообщение о новом назначении Жукова, соответствующем его заслугам и способностям. Мы ничего не скрываем от народа!»

Этот странный визит в посольство и заявления Хрущева и Баграмяна дают основания для следующих заключений:

1. План Хрущева устранить и ликвидировать Жукова на манер Маленкова (политически) или на манер Берия (физически) сорвался. Если Сталин мог спокойно арестовать и через неделю расстрелять Тухачевского со всеми генералами, которых большевики обязаны победой в гражданской войне, то Хрущев не способен так просто ликвидировать Жукова и его сотрудников, которым большевики обязаны победой над Гитлером. Сопrotивление сторонников Жукова заставило созвать пленум ЦК и привело к многодневной борьбе, которую тщательнее от нас скрывают.

2. Эта склока так расшатала армию и престиж партии в ее рядах, что ни о каких военных угрозах нельзя думать. На несколько дней СССР совершенно беззащитен, почему пришлось униженно бежать даже не в американское, а в турецкое посольство и лебезить перед турками, клянясь в миролюбии. Я согласен с мнением Булганина, выраженным им в его малоизвестном военном труде, вышедшем после войны, что исход войны решает не оружие, а верность командованию тех, в чьих руках оно находится.

Сейчас не важно знать боевые качества советского танка или винтовки, а надо знать: будет ли она завтра бить по туркам, по американцам или же солдат будет бить из нее по Жукову, или, наоборот, по Хрущеву?

3. Первоначальный успех Хрущева был поддержан переходом на его сторону таких видных фигур, как маршалы Малиновский и Баграмян, не говоря о генералах Ал. С. Желтове и нач. оперативного отдела ген. штаба Алексее Сем. Жадове. Однако, весь план ликвидации Жукова навалился на сопротивление в рядах ЦК, где, возможно, за Жукова выступали не одни лишь маршалы и генералы.

4. Страх перед Западом и его общественным мнением заставил Хрущева и верного ему сейчас Баграмяна еще до конца конфликта в ЦК прибегнуть к сомнительному маневру: вместо коммюнике в печати или прессконференции пойти самим в иностранное посольство даже не великой державы, а страны, которую они сами на днях обвиняли в подготовке агрессии, и лебезить перед представителями «буржуазной» печати, заверяя их в добром здравии Жукова. Правда Хрущев не пояснил: где он видел Жукова? На другой день после ареста Берии можно было тоже сказать, что он здоров. Можем ли мы себе представить, чтоб Ленин пошел посольство, скажем, Польши пить за здоровье иностранных послов и там заверять их и журналистов в миролюбии? Или побегал ли бы Сталин сообщать журналистам самочувствие Тухачевского после его свержения? Даже Маленков сначала подготовил и провел пест Берия, а затем уже оповестил об этом народ официальными сообщениями, о не острит перед журналистами что теперь уж Берия за границу не поедет!

Что бы нам завтра ни передало радио из Москвы нам ясно нарушение политического равновесия, при котором Хрущеву надо скорее свергать Жукова, пока тот сам его не сверг; слабость Хрущева помешала ему просто быстро провести, под шумок бряцания оружием по адресу Турции, эту черапию, а затем лишь оповестить о ней мир. «Народ безмолвствует», можно сказать при виде московской предвзвешенной толпы, спешащей по магазинам, где появилось обычное предвзвешенное изобилие. Но это безмолвие не признак его рабской покорности, как думают многие иностранцы и, увы, чьи наши политэмигранты. Просто никто не пойдет рисковать жизнью во имя чужеского будущего. Народ не сочувствует ликвидации Жукова, но не знает, что бы выиграла Россия, если бы он сменил Хрущева и сохранил колхозы, стхановщину, концлагеря, мобилизации молодежи на целину и дальние стройки. Надо знать, что кучка паразитов из всяких ЦК, ВЦСПС, московских министерств и провинциальных правящих кругов держится за власть, дающую ей привольное житье за счет обираемого народа. Эти паразиты жили припеваючи при Сталине, Берия, Маленкове и теперь при Хрущеве. Они

так же будут терзать народ при победе Жукова или в случае его казни. Только народная революция с уничтожением не отдельных фигур типа Хрущева или Жукова, а с ликвидацией всего режима и его основ встретит поддержку угнетенного многомиллионного народа всех союзных республик с русским народом во главе. При свержении режима успех будет за теми, кто раскрепостит полностью народ и разнесет вдребезги наложенные на него партийной бюрократией цепи, тот, кто не пощадит этой шайки кровососов и мироедов на мелких и крупных постах! Только с такими лозунгами, проводимыми в жизнь, могут монархисты иметь успех, как полная противоположность коммунизму, а не как «исправленное издание» его, которое сулят всякие социалисты и полусоциалисты эмигрантских организаций!

Из видных партийных фигур, умерших за последнее время, отмечу зам. Министра оборонной промышленности И. А. Барсукова, умершего 10 октября в возрасте 51 года. Неделю спустя скончался член коллегии мин. связи и нач. «Союзпечати» Александр Ильич Шербаков, видный работник советской печати за последние 20 лет.

Но для нас гораздо интереснее две ушедшие в иной мир фигуры советского епископата, о которых я давно собирался поведать читателям.

2-го апреля с. г. скончался на 88-ом году жизни старейший из советских епископов — архиепископ Вениамин Кировский и Слободской (в миру Вениамин Михайлович Тихоницкий). После окончания семинарии и недолгого служения в селе Вятской губ. он еще в царствование Императора Александра III-го был переведен в Вятку, где священствовал 48 лет (не знаем — подвергался ли репрессиям?) Осенью 1942 г., при первых переговорах Сергея со Сталиным, рукоположен во епископа Кировского (Вятского). Хиротонию совершал в Москве неизвестно кто, ибо Сергей в то время был еще в Ульяновске и фактически церковью по всему СССР не управлял. Его деятельность в Кирове (где сильна была популярность подпольной церкви еще от времен епископа Виктора Глазовского, мужественного обличителя сделок Сергея с большевиками) свелась к сбору средств на танковую колонну «Дмитрий Донской» и поддержку советских войск с боями на госпитали, за что после войны 76-летний епископ получил медаль «За самоотверженный труд в Великой Отечественной войне 1941-45 годов». Перед тем был возведен в архиепископа, значительно позднее других сотрудников патриарха, а в 1950 г. получил белый крест на клобук. Все же эту скромную и робкую фигуру и в 88 лет патриарх не нашел нужным возвести в сан митрополита, который получил его дипломатический сотрудник по поездкам в Антиохию, Лондон и Белград митрополит Питирим Белорусский. Некролог о нем поместил один из епископов-возвращенцев Гавриил Вологодский и Череповецкий.

5-го мая скончался в Перми (городу Молотову пять месяцев спустя вернули его историческое название) 73-летний архиепископ Товия Молотовский и Соликамский. По окончании семинарии он прошел курс археологического института (почему не духовной академии?) и стал с 1912 г. священником в Москве. Звали его Александр Ильич Остроумов. После 32 лет священничества в пределах Москвы и ее епархии, он в 1944 г. хиротонисан подобно другим старым и благообразным по наружности вдовым священникам, из которых Сергей подбирал свой новый просветский епископат, и послан в Свердловск, где в то время не было ни одной открытой церкви так, что ему пришлось хлопотать о возобновлении богослужения в одной из давно закрытых, но еще не снесенных церквей. Ему поручили заодно заведывать еще незамещенными Челябинской и Курганской областями, где недавно учреждены самостоятельные епархии. В апреле с. г. его перевели в Молотов, где он через месяц скончался. Это тоже была скромная фигура, видевшая свою задачу лишь в отправлении положенных церковных служб и призывах к поддержке политических мероприятий безбожного правительства, в годы войны — в антиинициативных проповедях. Но политической роли он не играл и престижем в московских кругах Патриархии не пользовался.

Политическая Хроника

СТАМФОРДСКИЕ ДОКУМЕНТЫ

Нам пишут из Нью-Йорка:

«Нью-Йорк Таймс» сообщает, что в библиотеке имени Гувера, входящей в состав Стэмфордского университета в Калифорнии, состоялось вскрытие 16-ти ящиков, переданных этой библиотеке в 1926 году недавно скончавшимся в Швейцарии бывшим послом Временного Правительства в Париже В. А. Маклаковым. Одним из условий передачи было требование Маклакова о том, чтобы ящики были вскрыты после его смерти. «Нью-Йорк Таймс» объясняет это требование тем, что Маклаков опасался за свою жизнь в том случае, если бы коммунисты узнали, что именно содержится в упомянутых ящиках. Из тех-же соображений, — по словам газеты, — имена посредников, участвовавших в переговорах между Маклаковым и библиотекой им. Гувера и способствовавших в 1926 году перевозке ящиков из Франции в Соединенные Штаты, до сих пор хранятся в тайне.

Интерес коммунистов к судьбе ящиков объясняется тем, что в них находится архив парижского представителя русского дореволюционного охранного отделения. Этот архив содержит многочисленные документы, фотографии и переписку, не только имеющую большое значение при изучении истории революционного движения в России, но и могущую скомпрометировать многих видных коммунистов.

После установления дипломатических отношений между Францией и большевиками и упразднения посольства Временного Правительства в Париже, большевики домогались от В. А. Маклакова передачи им этого архива, но Маклаков тогда сообщил советским представителям, что архив был им сожжен. В действительности, архив был скрыт, а затем тайно перевезен в Америку.

Предварительный, поверхностный просмотр документов, входящих в состав архива, обнаружил личные дела Троцкого, Молотова, Пилсудского и многих других известных революционеров.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ГЕН. САРНОВА

Нам пишут из Нью-Йорка:

Выступая на общем собрании членов Армейской Ассоциации Соединенных Штатов — организации, объединяющей отставных чинов американской армии — ген. Д. Сарнов, президент Американской Радио-Корпорации, снискавший себе широкую известность своей памятной запиской о необходимости решительной борьбы с коммунизмом, представленной им ген. Айзенхауэру, произнес речь, в которой настаивал на немедленном усилении «холодной войны» с коммунизмом, как единственной и последней возможности предотвратить военное столкновение.

По мнению ген. Сарнова, через пять лет Соединенные Штаты и СССР будут, в одинаковой степени вооружены интерконтинентальными управляемыми снарядами. Существование этого оружия будет угрожать человечеству истребительной катастрофой. Эта катастрофа может быть, по мнению ген. Сарнова, предотвращена только уничтожением коммунистической диктатуры в России и в других государствах, ныне управляемых коммунистами.

Интересно отметить в «Журнале Московской Патриархии» статью Казем-Бека «К 10-летию одного процесса», посвященную процессу в Соед. Штатах за обладание Николаевским собором в Нью-Йорке. Выгнанный из советской партийной печати перебежчик старается пристроиться к Патриархии, где будет разыгрывать роль «православного беспартийного большевика». Сейчас падение Жукова может несколько скомпрометировать патриарха Алексия, который «братался» с ним в Белграде, о чем несомненно донес выехавший в Москву на пленум ЦК кандидат ЦК посол Ив. К. Замчевский, принимавший в Белграде Жукова с его генералами, и следивший за каждым их шагом. В следующей статье смогу проследить неясные еще перипетии борьбы за власть и принятые в отношении Жукова решения.

Алексей Ростов

СЛУШАЙТЕ
РУССКИЕ ПЕРЕДАЧИ
ПО
RADIO NACIONAL
710 килоцикл.

КАЖДУЮ СУББОТУ В 17.30 ЧАСОВ.

Полк. П. Н. Богданович

МЕМОАРЫ ЛИТВИНОВА

MAXIM LITVINOV, MEMORIAS: NOTAS Y APUNTES DE SU DIARIO PERSONAL (1926—1950)

Traducción del inglés. Editorial Americana. Agosto 1955

АНТИСЕМИТИЗМ

1931 год.

"Началась чистка Наркоминдела. Ширятову поручена эта операция. Я не могу этого перенести. Это — дурак и антисемит.

Я не протестовал против того, что было уменьшено число евреев в нашем дипломатическом корпусе, равно как и в самом министерстве, но нельзя это делать огульно и без известного отсеивания. Первыми могли бы быть исключены те, которые не носят русских фамилий. Но и людей, как Майский, например, нельзя трогать. Это верно, что его фамилия не русская, но он уже слишком долгое время известен под своим псевдонимом Ивана Майского. Ширятов бормотал какие-то инсинуации по адресу начальников Наркоминдела. Ясно, что имел в виду меня, но не посмел говорить открыто.

Говорил откровенно с Кобой (Сталин. П. Б.), который согласен со мною. Но все же сказал, что в силу обстановки, как внутри, так и вне СССР, необходимо радикально сократить число евреев дипломатов... Несмотря на это я не мог позволить делать мне антисемитские замечания.

— Дело в том, что один еврей делает больше беспорядка, чем десять язычников, — сказал Коба.

На это я ответил, что полицейский офицер, арестовавший меня в Белостоке, сказал совершенно то же самое.

— Отлично, папаша, (партийная кличка Литвинова. П. Б.), но, не все то, что говорили полицейские офицеры в России, было глупостью".

Апрель 1939 года.

"Молотов цитирует Гейне, который говорит, что каждый имеет право быть глупым, но немцы злоупотребляют этим правом... Разница заключается в том, что Гитлер — не немец, а продукт различных рас... В нем много чешской крови... Возможно, что поэтому он так ненавидит чехословаков... и его антисемитизм идет больше от чехов, чем от немцев.

Антисемитизм был привит, кроме того, Гитлеру этой пышной свиньей Карлом Луэгером (был городским головою Вены во времена юности Гитлера и отличался диким антисемитизмом. Говорят, что был тем образцом, на котором Гитлер основал свою антиеврейскую доктрину.)"

Когда Сталин увлекся одной из сестер Кагановича, Литвинов с облегчением вздохнул, надеясь, что в связи с этим антисемитизм Сталина примет более мягкие формы...

ЧИСТКА В АРМИИ ПЕРЕД ВОЙНОЙ

"Ужасное лето 1938 года".

"Цвет нашего военного командования... Миша Тухачевский, гордость нашей Красной Армии, автор наших побед, организатор; Якир — победитель Петлюры; Уборевич — герой Одессы; вырвавший ее из рук Деникина; Эйдемун — наиболее способный сотрудник Фрунзе; Путьна — храбрец Вильны; Корк и Фельдман — победители японцев; Егоров и Блюхер.

Генеральный Штаб лишился лучших своих голов. Трудно отделаться от убеждения, что это не дело рук Гитлера..."

Литвинов дает портрет Ежова — инициатора этой бойни:

"Встретился с Ежовым; произвел на меня отталкивающее впечатление. Пигмей с физиономией убийцы, бегающий взгляд, постоянное нервное дергание верхней губы и века левого глаза. Молот и не знает прошлого... И глуп до пяток... И садист... Патологический развратник на половой почве".

"Секретное заседание Политбюро. Берия представил документ, извлеченный из архивов Охранки в Ростове. В свое время Ежов был секретным осведомителем полковника Васильева... Какой ужас! Глава последней чистки, "знаменитый глава Советской Охранки" — бывший агент царской охранки... Решит отделаться от него без шума. Назначили его народным комиссаром речного пароходства, с тем, чтобы потом устранить его окончательно".

"Клим (Ворошилов. П. Б.) резко обвинил Бенеша в том, что он агент-провокактор... Этот мерзкий Гайда (б. главнокомандующий чехословацкой армией в России в 1918 г.) бесстыдный генерал... Продался нашей военной контрразведке за гроши и за это передал ей кучу невероятных данных, в том числе и относительно Бенеша. Передал ей фотографию письма Бенеша..."

Бенеш утверждал в нем, что он антибольшевик... Указал размеры субсидий Милокову и различным русским антисоветским организациям. Бенеш просил, чтобы ему дали возможность продолжать игру с нами. Добавлял, что может устроить государственный переворот в Москве с помощью...

Я думал, что письмо поддельное, но, к несчастью, оказалось подлинным. Бенеш не такой уж ловкий, ибо пишет черным по белому то, что он думает, особенно на такие деликатные темы... Вообще имеет привычку вмешиваться в наши дела.

Его личное письмо Молотову о заговоре группы германфилов нашего генерального штаба было... Ротмистр фон... был двойным агентом: работал одновременно и для Николаи и для Канариса... Как Бенеш мог думать, что... Саша мне говорил, что этот офицер был также агентом ГПУ... Был тройным агентом, не двойным... С самого начала я думал, что все это пахнет провокацией, сфабрикованной ГПУ, которое всегда делало с Бенешом все, что хотелось..."

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

1928 год.

"Во времена Рапалло фон Мальцан мне представил фон Гаммерштейна, фон Сеекта и адмирала Редера, которые немедленно предложили мне организовать русское производство вооружения, снарядов и подводных лодок для того, чтобы нейтрализовать Версальский договор. Я не решался, но Ильич, Чичерин и Политбюро приняли предложение с большой готовностью. Я считая это ошибкой, и большой к тому же".

1938 год.

"Заказали в САСИ корабль, в котором у нас нет никакой необходимости... Иосиф Виссарионович думает, что этот заказ на сумму в 100 миллионов долларов очень понравится Рузвельту, особенно ввиду существующей там безработицы на верфях. Но это — абсурд; САСИ в предвидении войны работают полным ходом..."

Начинаю думать, что все это дело было для Жемчужиной (жена Молотова), чтобы помочь ее своячнице в САСИ заработать немного денег".

1938 год.

"Пригласили в Политбюро для обмена мнений. Считают, что Гитлер накануне важных решений... Англичане не станут нас защищать... Чемберлену будет приятно, если Гитлер бросится на Волгу, Урал в направлении Тихого Океана. Это займет его на долгое время, но это означает катастрофу для нашего режима... и для нашей страны будет..."

Говорят, что лорд Лондондерри внушил Герингу мысль, что Россия является немецкой Индией..."

1940 год.

"Читал подробности о том, как немцы вошли во Францию... Не было никакого сопротивления. Немцы потеряли около 17.000 человек в Голландии, Бельгии и Франции".

Май 1941 года.

"Ясно, что Гитлер добивается соглашения с Лондоном... Это означает неизбежную атаку против нас... Является Гесс послем или просто полусумасшедшим? Этот лорд Гамильтон — поклонник Оскара Уайльда. Гесс сжег свой авион... Мне говорили о движении немецких войск к нашим границам".

Сентябрь 1941 года.

"Иосиф Виссарионович думает вести войну до конца. Другие же... Брест-Литовск висит в воздухе... Наша единственная надежда — глупость Гитлера.

Третий Рейх и его вооруженные силы представляют могущественную воен-

ОТКРЫТИЕ ВЫСТАВКИ "40 ЛЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ"

7-го сего ноября, в центре Буэнос Айреса, была торжественно открыта организованная Союзом Российских Антикommунистов в Аргентине, выставка "40 ЛЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ".

После благословившего выставку прот. Георгия Романова, на импровизированную трибуну поднялся инж. Филиппов, обратившийся к переполнившейся выставочное помещение публике с приветствием от имени Союза Российских Антикommунистов, председателем которого он является. В кратких словах инж. Филиппов ознакомил присутствовавших с целями и задачами выставки — дать аргентинскому народу правильное представление о положении в СССР, о жизни и непрекращающейся борьбе порабощенного террором советской власти народа против его палачей.

Выступивший после инж. Филиппова, г. Альберто Даниель Фалерони, делегат Интерамериканской Конференции защиты Континента, в яркой и сильной речи проследил развитие той системы террора, которая через 40 лет существования советской власти, вместо обещанного когда-то большевиками рая на земле, принесла рабство рабочим и крестьянам не только Советского Союза, но и захваченных им после Второй Мировой войны государств, нынешних сателлитов СССР.

Ниже мы приводим некоторые выдержки из его речи.

"Желать сосуществования с советским режимом — значит не иметь никакого представления о существовании той подлинной России, которая существует и в пределах самого СССР проявляясь в продолжающейся в течение всех этих 40 лет борьбе народа с властью, и в эмиграции ведущей борьбу за свободу своей Родины".

"...Россия — не Советский Союз... Я верю в Россию и не верю в СССР, потому что первая является носителем духа, а вторая представляет собою материю. Дух — чист и вечен, материя же преходящая и тленна. В борьбе, которую ведет Россия против своих поработителей, победит Россия. Дух победит материю. Ни сила оружия, ни мощь атомных и водородных бомб не

ную машину, но лишенную мозга... Какое счастье для нас, что у руля этой машины находится ефрейтор Гитлер с его упрощенной философией и его геополитическим кретинизмом, а не Бисмарк и не Булов..."

Начинаю верить в еврейского Бога — когда хочет спасти нас, то лишает наших врагов разума.

В Харькове открыт заговор; надеялись на немцев, которые объявят независимость Украины... Кретины-немцы их высосут как пауки мух..."

Если мы отступим до Урала, тогда японцы... договор с Мацуокой нас не спасет... Должны драться до конца".

1944 год.

Литвинов вспоминает свое пребывание в САСИ послем:

"Держим наших умшенно в неведении относительно размеров американской помощи... Истина — болезненна... Если бы народ знал, что нас спасли в наиболее трудный момент... Сто тысяч американских камионов решили участь войны в критический момент... Более 400.000 камионов всего.

Железные дороги парализованы немецкой авиацией... Реки замерзли во время решительной осени 1942 года... Сталинград... Производили в достаточном количестве пушки и снаряды, но не имели камионов для их перевозки. Рузвельт говорил. Я молчал. Он понял и положил руку на мое плечо... Мои глаза были затуманены слезами".

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги этого белого обзора Дневника, мы можем констатировать следующее:

1. Деятельность ген. Кутепова повергла в крайнюю панику Политбюро в результате чего генерал был похищен и уничтожен агентами ГПУ в обстановке близкой к кошмару по своей логике, судя по поведению Гельфанда.

2. Политбюро старалось всеми силами развалить или закрыть РОВС.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Не откажите в любезности поместить в очередном номере Вашей газеты ниже следующее:

Правление Союза Российских Антикommунистов и Комитет Выставки "40 ЛЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ" приносит глубокую благодарность организациям и лицам, пришедшим на помощь Комитету Выставки и своей работой, связями, донесшими пожертвованиями и моральной поддержкой способствовали успеху Выставки "40 лет преступлений советской власти".

Правление Союза и Комитет Выставки ВОИНСКИЕ организации, принимавшие участие в организации Выставки: 1. РОВС; 2. Кают-Компания; 3. СВОД; 4. О-во Св. Александра Невского; 5. Гвардейское Объединение; 6. Объединение Кавалерии и Конной Артиллерии в Аргентине; 7. Союз Пажей.

Комитет Выставки Примите уверения в полном уважении Правление Союза Российских Антикommунистов

в состоянии справиться с силою духа той новой свободной России, который должен прорвать шлюзы рабства и разлиться по всему пространству нового и лучшего мира. В это мы верим и за это мы боремся.

Я говорю об этом просто и откровенно потому, что и я — солдат этого крестового похода и буду горд, если мне удастся принять участие в борьбе с врагами и моей собственной Родины — Аргентины под знаменами Свободной России, перед которыми я преклоняюсь, потому что они — знамена древней Руси, овеянные величием и славой".

Свое выступление г. Фалерони закончил словами "Боже, спаси Россию".

Доктор Булярх, представитель Временного Президента Аргентины генерала Арамбуру, приветствовал организаторов выставки и собравшуюся на ее открытие публику от имени Президента, закончив свое обращение словами:

"Я сожалею, что от имени Президента Республики не могу сказать больше, чем "Боже, спаси Россию!"

Пропетый присутствующими Аргентинский гимн завершил торжество открытия выставки.

Подробный отчет о ней мы дадим в следующем номере "Нашей Страны"

Вс. Дубровский

3. Эмиграция представляла для СССР опасность самым фактом своего существования; такую опасность повидимому представляет и сейчас, иначе не было бы необходимости организовывать Комитет ген. Михайлова.

4. При Сталине антисемитизм имел характер государственного мероприятия.

5. Кумовство и взяточничество распространены в СССР не меньше, чем в любой "буржуазной" стране.

6. Сталин за год до войны уничтожил лучшие командные силы Красной Армии, основываясь на провокаторских доносах двойного агента Бенеша, инспирируемого Гитлеровской службой шпионажа.

7. СССР был спасен от катастрофического военного погрома во время Второй Мировой войны только президентом САСИ Рузвельтом.

Ценность Дневника для нас заключается в том, что стало ясным, реальным, обоснованным и неопровержимым все то, что носило характер предположений, догадок, а часто и гаданий на кофейной гуще. Поэтому, Дневник нуждается в тщательном анализе и изучении, а иногда и в расшифровке, т. к. автор не раз обрывал фразы на половине, самые фразы сокращал до какого-то телеграфного стиля, делая пропуски... В нем жила необыкновенная привязанность к Дневнику; в конце имеется такая запись:

"Испытываю глубокую грусть... Вся моя жизнь в этих заметках... И моя работа... Придет день, когда история пронесет свой приговор — обо всем. Перед отъездом из Москвы был допущен... Меня спросили, храню ли я дома секретные документы, и сказали, что придут посмотреть... Принесли извинения, но приказ имел подпись Берии..."

"Должен уничтожить все... Было бы разумным сжечь мои личные дневники... Но для меня это невозможно..."

Полк. П. Н. Богданович

Н. Потоцкий

ОБЗОР ПЕЧАТИ

В № 19 газеты "Наше Общее Дело" Ирина Сабурова дает обстоятельную рецензию на книгу американского журналиста Юджина Лайонса "Наши тайные союзники". Насколько нам известно, и г. Лайонс, и идеологические руководители упомянутой газеты являются сторонниками той мысли, что Февральская революция в России была неизбежна и необходима, что она была народна, т. е. соответствовала чаяниям и интересам всего русского народа, и что восстановление монархии в России недопустимо и невозможно. В связи с этим интересно отметить некоторые пассажи из вышеупомянутой книги, в которой автор с похвальной объективностью говорит о всестороннем прогрессе России до революции. Вот эти пассажи, взятые нами из рецензии И. Сабуровой:

"В книге о русском капитализме, написанной в 1899 г., Ленин говорит об "ужасающем темпе революции в технике", происходящей в России. Ленин приводит статистические данные, доказывающие, что промышленность развивается в России скорее, чем в любой европейской стране. В 1912 г. Россия, — говорит далее Лайонс, — занимала второе место после Соединенных Штатов по километражу железнодорожных линий. Стоимость общего промышленного производства поднялась с 6.177.800 тысяч рублей в 1912 г. до 7.357.800 тысяч рублей в 1913 г., т. е. на 19,1 проц. за год. Сравнение с этими данными будет не в пользу пятилеток. Нет никаких причин сомневаться в том, что развитие происходило бы таким же порядком и дальше, причем без советских расправ".

"Нормальная промышленная революция в России происходила в течение 50 лет. За последние десятилетия перед 1914 г. темп ее лихорадочно усилился. Игорь Сикорский, знающий, что он говорит, писал, что "аэроавиатика, как наука и промышленность, в России до 1914 года находилась на том же уровне, что и в Америке". Но растущие массы фабричных рабочих не были государственными рабами, какими они являются теперь. В 1905 г. на больших заводах, где работало больше тысячи человек, забастовки происходили два раза в год. С этими фактическими данными как-то плохо вяжется представление о безнадежно угнетенном, отсталом и забитом пролетариате".

"В самом элементарном смысле положение народного образования в России не соответствует советским данным, искажающим историю. Народная

перепись 1897 г. доказывает, что 51 % мужчин и 22 % женщин в европейской части России были грамотными; перепись 1920 г. (до того, как началась советская кампания по ликвидации безграмотности) соответственно показывает уже 82 % и 47 %. Эти данные также идут вразрез с коммунистическими утверждениями о почти поголовной неграмотности народа. Обязательное элементарное образование по школьному закону, введенному в 1910 году, к 1922 г. должно было охватить все население".

"Русская наука перед революцией достигла высочайшего уровня" — писал в 1942 г. сэр Бернар Перес. Опровергая басню о том, что высшее образование было доступно только богатым и дворянству, он прибавляет, что "такое число крестьянских детей, учившихся в университетах России, не снилось даже Оксфордскому и Кембриджскому университетам нашего столетия". Государственные и частные субсидии приводили к тому, что почти половина студентов училась бесплатно".

"Что касается самого образования, то оно не только было выше советского уровня, но выше, чем в большинстве других стран. Любой человек, знакомый с дореволюционным поколением, признает без всякого сомнения, что русский интеллигент был в среднем лучше образован, чем человек такого же уровня в Западной Европе или Америке. Кроме того, русские университеты имели самоуправление, и автономные студенческие организации всевозможных типов процветали. Что касается русской интеллигенции вообще, то она была единственным феноменом в своем роде — больше, чем культурной элитой".

"Наряду с этим мы не должны забывать, что дореволюционной России принадлежат ценнейшие вклады в мировое искусство и науку, на которые она имеет полное и действительное право. Где те книги, поэмы, симфонии, научные открытия, которые с такой готовностью и полнотой были бы восприняты в жизни и сознании западного мира, как русские?" — спрашивает Лайонс.

В свете вышеприведенных цитат и цифровых данных нам было бы очень интересно услышать от г. Лайонса и идеологов "Нашего Общего Дела" ответы на следующие наши вопросы:

Могут ли они привести нам такие же объективные и бесспорные данные в доказательство того факта, что Императорское Российское Правительство тор-

мозило духовный и экономический прогресс нашей страны?

А если не могут, то хватит ли у них гражданского мужества признать, что Российская Монархия вела свой народ по пути духовного и материального процветания? Но если дореволюционная Россия уже шла по этому пути, то для чего же, собственно говоря, нужна была Русскому народу Февральская революция да еще накануне несомненной и грандиозной победы над внешним врагом? Какие данные можно привести против того аргумента, что "развитие происходило бы таким порядком и дальше", даже и без Февральской революции? И если это развитие отвечало интересам всего народа, то мог ли Февраль быть народным, если он сверт ту Власть, которая стояла во главе этого прогресса?

Увы, думаю, что на страницах "Нашего Общего Дела" мы ответов на эти вопросы не получим. Такие ответы мог бы дать только независимый печатный орган — ни для кого не секрет, что эта газета субсидируется теми американскими дядюшками, для которых самое понятие монархии является одиозным символом средневековой отсталости, рабства и угнетения народных масс, а ведь, как говорится "на чем возу едешь, тому и песенку пой".

Называя свой орган "Наше Общее Дело", редакция этой газеты взяла на себя такую большую моральную ответственность, тяжести которой она повидимому совершенно не ощущает. Мы позволяем себе думать, что нашим общим делом, то-есть делом всех честных русских патриотов Зарубежья, является не только стремление к свержению коммунистической власти на нашей Родине, но и воссоздание Единой и Великой России, — и уж во всяком случае не ее расчленение. Но вот в том же № 19 этой газеты мы читаем объемистую статью об "украинском зарубежном центре", которым считается в эмиграции Украинская Центральная Рада, являющаяся "для многих сотен тысяч эмигрантов, а также для значительной части населения на Украине символом продолжения национально-освободительной борьбы за возобновление Украинской Народной Республики". И, оказывается, что эта УНРеспублика уже (или еще) существует в эмиграции с "президентом" Витвицким, председателем "исполнительного органа" Ливицким и т. п., а в святцах этой республики числятся "такие известные деятели, как Грушевский, Винниченко, Петлюра, Ливицкий, Мазепа".

Оставляя на совести авторов статьи те "сотни тысяч эмигрантов", которые

Освящение памятника на могиле усопшего
ФЕДОРА ФЕДОРОВИЧА ПРОХОРОВА
на кладбище Сан Мартин состоится в день его Ангела — в воскресенье 24 сего ноября, в 3 ч. 30 м. дня
о чем извещают сын и невестка

якобы жаждут восстановления суверенного украинского государства, мы должны однако квалифицировать, как чистейшую дезинформацию их утверждение, что такого же восстановления желает "значительная часть населения на Украине" в наши дни. Всем известно, что многочисленные новые эмигранты говорят с полной определенностью, что в современных подсоветских массах не существует никаких самостийнических течений, что все население СССР чувствует себя единой и неделимой нацией и что в горниле страданий от красного ига окончательно оформилось общерусское, вернее общероссийское национальное самосознание.

Что касается святцев великих подвижников за дело УНРады, то моральной чистотой и красотой они не отличаются. Кому же не известно, что проф. Грушевский работал против России на деньги австрийского генерального штаба? Что Винниченко был темным проходившим и авантюристом? Что Петлюра был кровавым погромщиком и убийцей тысяч русских офицеров? Что католик-Мазепа был явным предателем кровных интересов украинских народных масс, что лучше всего иллюстрируется тем фактом, что за ним на сторону шведов перешло в 1708 г. только две тысячи малороссийских казаков, а вся масса украинского населения (называвшего себя, впрочем, всегда Русским) осталась верной Самодержавной Императорской Москве. А что, если, вопреки вещаниям господ Ливицких и Витвицких, "значительная часть населения Украины" воспротивится востшествию их на трон УНРеспублики и с помощью братского русского народа, с которым она единогласно и добровольно воссоединилась еще в 1654 г., и всегда была лояльна в отношении Российской Монархии, за исключением петлюровских подвагонных территорий, — выкинет этих милостивых государей обратно за океан, на вечную пенсию от их щедрых работодателей? — Хорошенькая будет это иллюстрация для "Нашего Общего Дела"!

Н. Потоцкий

Александра Воронцова

— ЗАПИСКИ ПЕРЕВОДЧИЦЫ —

12. СОВЕТСКИЕ ВРАЧИ

Среди туристов, с которыми мне довелось беседовать, как-то редко попадались мне врачи, хотя в каждой экскурсии их бывало до 15-20 человек. Например, в первой экскурсии было 12 врачей, частью пожилых, фамилии которых могут быть знакомы кому-либо из читателей, почему стоит их привести: в моей группе были симпатичные московские врачи 55-летняя Регина Александровна Иванова и молодая 32-летняя Ангелина Николаевна Клеопина; в других группах было еще 6 московских врачей — седой армянин в очках, с подстриженными усами 69-летний Иван Михайлович Саркизов-Серазини, 56-летний Константин Петрович Иванов, 52-летняя Дебора Абрамовна Левина, 50-летний Георгий Алексеевич Алексеев, 47-летняя Зинаида Васильевна Косенко, 44-летняя Елизавета Александровна Печатникова. Из других городов в той же экскурсии были врачи: 50-летняя Юлия Ивановна Турчина из Ленинграда, 40-летняя Нина Ивановна Войтковская из Киева, Лина Мартиновна Степанова и эстонка 28-летняя Ирина Эдуардовна Лооде, обе из Таллина.

В других экскурсиях число врачей было несколько больше. В третьей экскурсии мне довелось случайно беседовать с директором нервной клиники Минского университета юрким художавым 60-летним Доном Исаевичем Тамаркиным. Мне говорили другие белоруссы, что это известный врач с

большой частной практикой. В разговоре со мной он выразил интерес к нашим домам умалишенных, о которых я, увы, сама мало знаю. Шутливо приглашая меня приехать к нему в Минск, он обещал, что покажет мне не только вновь отстроенную после войны нервную клинику, но и психиатрическую больницу, на что я ответила, что мне интереснее было поглядеть здоровых русских, нежели сумасшедших. Тамаркин добродушно рассмеялся и поздравил меня с каким то молодым минским стахановцем, но меня отозвали и разговора не пришлось продолжать.

Гораздо интереснее была моя беседа с крупным московским невропатологом, которого лучше не буду называть. Интересная полная и высокая энергичная блондинка заведует в Москве крупной нервной больницей, в которой ведет также сама амбулаторный прием. Она кончила в Москве медицинский факультет и работала при клинике известного невропатолога-профессора, где защитила диссертацию на степень доктора медицины. Там же, в клинике, она несколько лет занималась со студентами и вела амбулаторный прием, пока ее не назначили заведывать большой больницей. Она уже два раза имела научные командировки за границу, а теперь премирована поездкой на "Победу". Она страстно увлекается фотографией и охотно снимала других туристов в самых живописных группах на прекрасном фоне то римского Коллизея, то Пантеона, в чарующем

своей природой Амальфи, на Капри и в разных уголках Неаполя. Она мне рассказала, что снимки проявляет во время плавания киномеханик "Победы". После я узнала, что это несомненный чекист Юрий Владимирович Хлобыстаев, который, проявляя все делаемые туристами снимки, наверное, оставляет по несколько экземпляров и для своего ведомства; последнее приобретает таким путем от каждой экскурсии сотни снимков, по которым можно судить, что, где и когда снимали туристы, с кем дружил по пути каждый экскурсант, сняты ли с ними "туземцы" посещаемых стран, работники иностранных туристических агентств. Воображаю: на скольких снимках можно найти фотографии каждого из переводчиков во всех странах, посещаемых "Побелой". Любопытно отметить, что в 1957 г. тот же Хлобыстаев фигурировал уже в качестве "руководителя" одной из групп туристов, а штатным фотографом "Победы" работал другой врач и неразговорчивый чекист Иван Петрович Чернов, которого на этот раз сторонились сами туристы. Но, вернемся к моей симпатичной и приветливой собеседнице.

Проявляя интерес к ее работе (что все туристы обычно очень ценят), я спросила ее о том, каков основной контингент ее пациентов?

— Моя больница принимает только заболевших острым нервным расстройством. Для хроников имеются другие лечебницы, как и дома умалишенных. Някоманов лечат тоже в особых наркодиспансерах, где для них установлено принудительное лечение и куда они снова попадают, если установлено, что они по выздоровлении опять прибегают к наркотикам. Среди моих пациен-

тов преобладает мужская и меньше женская молодежь, которая быстро излечивается от острых нервных расстройств на почве всяких романтических озабоченностей, школьных неудач или служебных неприятностей. Много заблуждений встречается у женщин в критическом возрасте, особенно при наличии материальных недостатков и семейных неурядиц.

Меня поразило, что она в отличие от других туристов (мы были с глазу на глаз) говорила совершенно откровенно, признавая наличие материальной нужды и анализируя причины заболеваний среди молодежи. Я тогда заинтересовалась ее квартирными условиями.

— У меня при больнице квартира в две комнаты с кухней, где я живу, что бы не отлучаться от больницы, куда меня могут в любое время вызвать. Прежнюю комнату, которую я занимала до этого назначения, я оставила маме и младшей сестре, с которыми раньше жила в одной комнате. Живя при больнице, я в ней провожу почти весь день и по вечерам, всегда в разное время, сама обхожу все палаты, чтобы проверить работу своих подчиненных и посмотреть на моих больных. Первые больные очень чувствительны ко всякому вниманию врача и ценят каждое мое появление в палате. Иногда в вечерние часы они со мной сами заговаривают и в душевной беседе ярко изображают мне ту обстановку, которая лишила их душевного равновесия и привела в стены моей больницы. Вы заметили, что я очень увлекаюсь фотографией. Для врача так интересно снимать своих пациентов, страдающих различными нервными расстройствами, которые отражаются часто на их наружности.

Г. Месняев

ПО ЛОЖНЫМ ПУТЯМ

Друзья, почитатели и единомышленники недавно умершего В. А. Маклакова не поспешили на самые восторженные ему похвалы. Отмечали его многообразные таланты, широту и остроту его мысли, личные обаяния, самостоятельность и независимость суждений, своеобразие. Все это, действительно, было свойственно этому бесспорно незаурядному и одаренному человеку, одному из наиболее ярких представителей русского либерализма.

Казалось бы, что богатые таланты, коими он был столь щедро одарен, должны были принести самые лучшие плоды и пойти на пользу России. К сожалению, этого не случилось. Таланты были употреблены ложно и растрочены, в лучшем случае, бесплодно, не принеся никакой пользы России. Даже если пройти мимо бесспорного вреда, который был принесен политической деятельностью Маклакова русскому делу, то и тогда его можно расценить не больше, как, хотя и яркий и пышный, но бесполезный и бесплодный пустоцвет, каких бывало немало в русской жизни, и, особенно, на либеральной стезе (вспомним, хотя бы, Герцена).

Чем же мы можем объяснить такое печальное явление? На этот вопрос исчерпывающий ответ дал сам В. А. Маклаков в своих книгах, которые он написал в эмиграции, сидя у «разбитого корыта» русского либерализма. Написанные им книги: «Власть и общественность на закате старой России», «Первая Государственная Дума» и «Вторая Государственная Дума» — представляют собой, в сущности, обвинительный акт против той части русского дореволюционного общества, с которой Маклаков был кровно связан и которая, представлявшая в политике кадетской партии, проявила свою полную несостоятельность и, в конечном итоге, привела Россию к гибели. Маклаков не пожалел самых суровых и глубоко справедливых слов для того чтобы охарактеризовать крайне печальную и вредную роль, которую сыграли русские либералы в роковых событиях, приведших к революции.

Об этом он писал в частности, так: «Никто не приглашал кадетов стоять за Самодержавие. Но против Революции они должны были стоять на одной стороне с конституционной Монархией. Этого они не захотели. Им надо было сделать выбор между двумя «реальными силами» — между исторической властью и революцией. Они предпочли остаться одни, сами собой. Они и

оказались пустым местом, так как, кроме одного самомнения, собственной силы у них не было никакой». («Вторая Государственная Дума». Стр. 15). Еще решительно подчеркивает В. А. Маклаков зависимость кадетской партии от Ахеронта (слепой, разрушительной, революционной силы. Г. М.) в следующих словах: «Было что-то глупое, прискорбное и унижительное в том, что кадеты — элита страны, сливки русской общественности, препрославленная Первая Дума, — впервые получив в свои руки долю реальной государственной власти, променяли ее на то, чтобы соблазнить и поднимать Ахеронт, подлаживаться под его понимание, искать в нем поддержки и одобрения, говорить его языком, — и поплелась в хвосте за демагогией» (Там-же, стр. 186). Считаю совершенно порочным то, что кадетская партия стремилась осуществить свои политические планы не путем сотрудничества с исторической властью, а посредством союза с революцией, что проявилось и в 1917 году, Маклаков совершенно справедливо говорит о том, что и «Февральская либеральная революция, которая мечтала об этом (т. е. о полезности союза с революционерами) была обречена на гибель при самом своем появлении».

Словом, с большой смелостью и мужеством, В. А. Маклаков, взвешивая и оценивая прошлое кадетской партии, а следовательно, и свое личное прошлое, тесно связанное с этой партией (он, несмотря на некоторые свои расхождения с руководством партии, был ее украшением), — сказал о ней ту правду, которая «глаза колет» и которая поэтому вызвала такое бурное негодование со стороны идеолога и вождя этой партии П. Н. Милюкова. Он по поводу книг Маклакова, писал, что последний ненавидит «освободительное движение», борется с идеями либерализма и перешел в стан его противников. Однако, это было вовсе не так. Сурово осудив ложную и порочную тактику кадетской партии и, тем самым, осудив и свою собственную дореволюционную политическую деятельность в недрах этой партии, В. А. Маклаков, в силу ряда причин, не нашел в себе мужества сделать логичный шаг, вытекающий из его жесточайшей критики либерализма. Он не перешел, как утверждает Милюков, «в стан его врагов», т. е. в стан тех, кому были дороги не доктринерские софизмы русских либералов, а исторические основы русской государственности.

Я снова вернулась к вопросу о заблуждениях молодежи.

— Во многом виновата наша школьная перегрузка: от подростков требуют и школьной успеваемости и общественной работы и участия во всяких кружках, что лишает их нормального отдыха при хрупкой нервной системе у лиц, переживших в раннем своем детстве ужасы войны, всяких бомбежек и эвакуаций. Многих беспокоит вопрос о будущем по окончании школы. Всякие неудачи на конкурсах при поступлении в высшую школу тоже играют свою роль. Среди романтических драм можно наблюдать разный подход к семье у обоих полов: мужская молодежь часто ищет легких связей и приключений, у девушек же преобладает стремление еще в молодости создать прочную семью с домашним уютом, которым наши парни гораздо реже дорожат. Бывают драмы и на почве отъезда такого парня на какие-нибудь стройки или на целину, куда девушка-москвичка часто не решается за ним поехать, особенно, если он откладывает всякий разговор о немедленном браке еще до отъезда. Всякие недоразумения комсомольцев со своими партийными организациями тоже иной раз приводят парня или девушку в мой врачебный кабинет. Но, конечно, при хорошем лечении все кончается благополучно и молодежь снова возвращается на учебу или на производство.

Большое значение имеет та обстановка, в которой вырос тот или иной пациент. Всякие ссоры и взаимные измены между родителями очень часто отзываются на психике нашей бедной молодежи, которая при жилищной скученности невольно посвящена во все де-

тали брачной жизни родителей. Конечно, число пациентов у меня уменьшится, когда мы изживем в Москве жилищный кризис и молодежь не будет жить в скученных квартирах в одной комнате с родителями, а порой и с женатыми братьями или замужними сестрами за занавеской или ширмой. Помните, что мы пережили войну, которая прервала наше строительство и причинила много разрушений. Без нее наша жизнь была бы сейчас гораздо лучше.

Я поняла, что чуткий и вдумчивый врач испугался своей откровенности и поэтому эта симпатичная женщина поспешила объяснять все невзгоды советской жизни войной, словно до нее в Москве не было жилищного кризиса, душевных драм, вызванных всякими мобилизациями комсомольцев, их склоками и чистками, о которых я и без нее знала благодаря чтению советских газет и журналов. Но для успокоения моей собеседницы я поспешила рассказать, что и у нас война тоже произвела много разрушений и среди молодежи бывает много душевных драм, вызывающих порой самоубийства. На мой вопрос, часто ли бывают случаи самоубийств среди советской молодежи, она мило ответила, что газеты об этом не пишут, оберегая читателей от такой хроники, а «ко мне самоубийцы не попадают».

Беседа с этой умной женщиной и серьезным врачом, помнящим лучшие традиции дореволюционных русских врачей, которых я знаю, увя, лишь по произведениям русских писателей и рассказам старших моих друзей из нашей эмиграции, оставила у меня самые приятные воспоминания.

Александра Воронцова

Несмотря на свои «еретические мысли», Маклаков оказался бессильным выбраться из той прогрессивной политической трясины, в которой он завяз с первых шагов своей политической жизни. У него не хватило ни воли, ни характера для того чтобы разорвать свои давние связи с той самой средой, которую он так сурово осудил в своих книгах. Анализ прошлого был им дан блестяще, — это бесспорно, но логического вывода из этого он сделать не смог: он продолжал жить в растленной атмосфере эмигрантских и иностранных прогрессивных кругов, разделять их вражду к «старой России» и культивировать совершенно гнилые и порочные мысли о, якобы, происходящей в России эволюции советской власти. Последствия этого не замедлили сказаться. 12 февраля 1945 года, В. А. Маклаков возглавил позорнейшую эмигрантскую делегацию, явившуюся на поклон к советскому послу в Париже Богомолу. С неумолимой логикой враждебность русского либерализма к старой России, т. е. к историческим основам русской культуры и государственности, привела этот либерализм, олицетворенный Маклаковым, к капитуляции перед советской властью.

В оправдание позорнейшего шага Маклакова некоторые ссылаются на «чистоту его личных побуждений». Но, какое же это оправдание? Мы можем понять ординарного русского эмигранта, какого-нибудь минского крестьянина или донского казака, истомившегося в отрыве от своей родины и бездумно возвращающегося к ней. Но оправдать и простить просвещеннейшего Маклакова, человека прославленного своим умом и своей проницательностью, конечно, совершенно невозможно. Он то, как никто другой, знал и понимал природу советской власти, он не мог не понимать того, что его явка с повинной к обнаглевшим советчикам равносильна сознательному участию в их многочисленных преступлениях.

Возможно, ведь, что Рыков, например, или Бухарин участвовали в большевистских деяниях идейно, «по чистым личным побуждениям». Но разве это освобождает их от ответственности за то зло и за те злодеяния, которые сделали большевики? Точно так же обстоит дело и с Маклаковым и со всеми теми, кто шел с ним кланяться советчикам.

Являясь к Богомолу, Маклаков морально не был одинок. Его поддерживала тогда почти вся прогрессивная часть русской эмиграции, всегда склонная более или менее открыто верить в «новую», т. е. советизированную Россию и признавать советскую власть властью «национальной» — хотя все дальнейшее самым жестоким образом опровергло такие вреднейшие фантазии, один из творцов их — Е. Кускова — и по сей час находит слова для оправдания явно ложного шага В. А. Маклакова, а попутно и слова для осуждения «правых».

Она пишет («Н. Р. С.» от 26 июля с. г.): «Суд над В. А. Маклаковым» правые устраивают постоянно и теперь: это его «преступление» (т. е. явка к Богомолу. Г. М.) — «непрощаемо».

Думаю, что оно не прощается не только для «правых», но и для каждого честного русского человека, не потерявшего еще понятия о разнице между добром и злом.

Как бы то ни было, бесславный закат политической карьеры В. А. Маклакова, произошел в день его появления в советском посольстве и дальше, конечно, несмотря ни на какие объяснения и оправдания, он политически ожил больше не смог бы, даже если бы и был физически способным к такой жизни.

Думая над столь печальной судьбой Маклакова, очень трудно совместить в своем сознании высокую разумность, справедливость и трезвость его политической мысли касающейся прошлого России, столь блестяще проявленной в его книгах, с таким печальным если не сказать больше, концом его политической карьеры.

Однако, это, на первый взгляд, странное явление, имеет свое объяснение в тех особенных условиях жизни, в которых находилась когда-то дореволюционная русская интеллигенция в ее революционной и либеральной частях.

В прежние времена, почти поголовное увлечение русского общества крайними политическими идеями, приводило к тому, что подавляющее большинство способных, талантливых и одарен-

ных людей, шло не направо, а налево. Перед человеком, вступившим на революционный или на либеральный путь, открывались очень широкие перспективы. Его ждали восторженные похвалы, превозношение, широкая популярность, слава и обожание. Самые обычные посредственности, вроде Писарева или Добролюбова, превозносились до небес и объявлялись чуть ли не гениями. Одновременно затирались и замалчивались такие оригинальные и крупные люди, как К. Леонтьев, Аполлон Григорьев, Лесков и некоторые другие. Кстати, заметим, что в эмиграции травилась И. С. Шмелев.

Понятно, поэтому, что способные и талантливые люди, стремились не туда, где их ждала безвестность, непонимание и травля, а туда, где все тешило их тщеславие, славоблюбие и суетность. Во всех отношениях было, например, гораздо почетнее и приятнее выступать защитником в каком-нибудь политическом процессе, нежели незаметно трудиться в прокурорской камере.

В стан безответственных либеральных болтунов, молодых людей тех времен влекли, конечно, не соображения голого расчета, а неотразимое обаяние пышных слов и эффектных жестов, которыми славился передовой лагерь.

В этот-то лагерь, вслед за Герценом Некрасовым, Салтыковым-Щедринным и многими другими «обличителями», толпами шли восторженные молодые русские люди и, вместе с ними, туда же пошел и Маклаков.

Даровитого, обаятельного, блестящего оратора и оригинального человека либеральное общество встретило с распростертыми объятиями, его носили на руках; рукоплескания не смолкали; самые пыльные слова, обожания и одобрения сопровождали его повсюду: и в кулуарах Государственной Думы, и в судебных залах, и в дорожных ресторанах на политических банкетах, словом, всюду, где шли либеральные ликования. Хотя Маклаков, по своей природе был скорее человеком самостоятельным и независимым и не был лишен чувства исторической ответственности, но и он не смог противиться кружащей голову атмосфере легких успехов, употребленных похвал и лести. Все это расслабило его духовно, его поработило и не дало ему возможности, даже тогда, когда он этого хотел, освободиться от сладкого плена прогрессивных объятий. За дешевые лавры, коими он был увенчан, он должен был заплатить очень дорогой ценой: своей духовной свободой и независимостью. Такова судьба почти всякого, кто идет по ложным путям. Вступившим на них, как правило, нет возврата, ибо, как говорит народная мудрость: «коготок увяз, всей птичке пропасть».

Г. Месняев

Михаил Бойков

Музеи в храмах

Советский митрополит Николай Крутицкий очень ловко «выкручивается» перед иностранцами, хвастая свободой религии, будто бы существующей в СССР. Эти измышления он всегда расписывает весьма розовыми красками.

Однако, коммунистическая печать иногда сажает в лужу «почтенного» митрополита, проверяя его пропагандные выкрутасы.

Вот передо мною лежит сейчас «Каталог советских книг» за июль 1957 года, изданный в Москве Всесоюзным объединением «Международная книга». На странице 25-й этого каталога можно прочесть следующее:

«Киевский государственный започвенник-музей «Киево-Печерская лавра». Краткий путеводитель. Изомузгиз УССР. 1957 г. 75 стр. В обложке. (На украинском языке). Путеводитель знакомит с архитектурным ансамблем Киево-Печерской лавры — одного из известных памятников культурного наследия прошлого. Издание богато иллюстрировано».

О религиозном значении Киево-Печерской Лавры, как видите, в путеводителе не говорится ни слова, умышленно умалчивается.

Полтора года тому назад один из советских активистов в Буэнос Айресе Я. П. Ялоза уехал в СССР, живет там в городе Кривом Роге и работает в паровозном депо. Коммунистическая «Наша газета», издающаяся в Аргентине

НА "КАПУСТНИКЕ" У РУССКИХ МОНАРХИСТОВ

Письмо из Сиднея

Первый монархический "Капустник" в Сиднее, устроенный 6-го октября текущего года по инициативе и силами местных представителей Народно-Монархического Движения — А. Д. Амосова, С. В. Доманского и М. М. Спасовского в гостеприимном зале "Русский Голос" прошел с исключительным успехом. Собрались все видные члены этого Движения и почетные гости в лице чинов Корпуса Императорских Армий и Флота и активные представители местной русской национальной элиты.

Приглашение и запись на этот "Капустник" были прекращены за три недели до банкета, ибо число желающих быть на этом "Капустнике" значительно превышало возможность всем уместиться в длинном зале "Русского Голоса". Столы на 8-10 персон каждый, были поставлены с соблюдением максимальной экономии в месте и было тесновато, но тесноватости этой никто не замечал в той атмосфере подъема, дружбы и единодушия, которая как-то сразу создалась к 2-м часам дня, когда, после Божественной Литургии в Кафедральном Свято-Петропавловском Соборе съехались участники банкета и разместились за своими столами.

Банкет открылся в 2.30 дня тостом полк. В. А. Петрушевского за Ее Величество Королеву Английскую Елизавету II-ую. Этот тост стал крепкой традицией всех местных русских национальных организаций и был сопровожден громким русским "ура!". Вскоре после этого тоста М. М. Спасовский произнес следующую краткую речь:

"Сегодня мы, соратники Народно-Монархического Движения имени Ив. Солоневича, организовали наш первый "Капустник" с исключительной целью, у с и л и т ь Фонд Великого Князя Владимира Кирилловича и, кроме того, встретиться в интимной обстановке с нашими друзьями и в дружной беседе поговорить о нашем Движении и уяснить жизненность этого Движения, как единственно реального в нашей общерусской борьбе за Историческую Россию.

на русском языке получила от него письмо, которое и было опубликовано в ее № 399 от 24 мая 1957 г. Ялза пишет в нем так о своей поездке в Ленинград:

"Два раза был в музее имени Ленина, который помещается в Казанском соборе; это так называемый атеистический музей. В этом соборе похоронен Кутузов, память о котором сохраняется, как о великом полководце. Над его могилой его портрет и много картин, написанных русскими художниками. Кутузов умер за границей и его везли до Ленинграда (?) люди, в С. Петербурге же везли вельможи, нигде не впрягая лошадей, так написаны картины. Много картин, говорящих о содружестве церкви с монархией. На двух больших картинах изображается Л. Н. Толстой в аду, также и Лермонтов. Хранятся и митры священнослужителей с драгоценными камнями. Наряду с этим указания великих учителей К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина по религиозным вопросам. В некоторых соборах совершаются богослужения. Знаменитый Исаакиевский собор реставрируется и будет открыт для посетителей..."

В № 410 "Нашей газеты" от 10 августа 1957 г. напечатано письмо из СССР Сони Мартынюк, присланное ею Е. М. Спиридоновой, живущей в Буэнос-Айресе. Описывая свое шестидневное пребывание в Москве, возвращенка С. Мартынюк сообщает:

"На Красной площади находится собор Василия Блаженного, превращенный в музей, с очень интересными куполами".

Итак, по признаниям коммунистической печати, храмы в СССР превращены в атеистические музеи, где выставляются напоказ священные для русского народа предметы рядом с антирелигиозными выказываниями безбожников Маркса, Энгельса и Ленина. Что это, свобода религии или кощунственное издевательство над нею?

Интересно, как бы митрополит Николай Крутицкий "выкрутился", отвечая на такой вопрос?

Михаил Бойков

Реальность этого Движения обоснована пятисотлетним бытием Московского Царства, — того Царства, где триединое начало Царя-Народа-Церкви лежало монолитом в основе русского государственного роста. Именно, потому, что это триединое начало составляло монолит и, по выражению нашего знаменитого историка профессора В. О. Ключевского, являлось ДЕМОКРАТИЧЕСКИМ САМОДЕРЖАВИЕМ, Московская Русь росла и крепла и подготавлила миру явление Российской Империи. И если эта Империя времен Петербургского периода пала, то исключительно потому, что этот наш русский монолит Царь-Народ-Церковь распался на свои составные части...

Наш "Капустник" совпал с днем рождения Государыни нашей и Великой Княгини Леонида Георгиевны. Мы счастливы приветствовать Ее Императорское Высочество и Ее Августейшего Супруга, Государя нашего и Великого Князя Владимира Кирилловича, ибо полны надежды, что в Грядущей России, освобожденной от красного гнета, Царь, Народ и Церковь вновь сольются в монолит русского государственного бытия и тем восстановят в России институт той НАРОДНОЙ МОНАРХИИ, которая не знала ни царевубийств, ни трусости, ни измены, ни предательства, ибо, — как подчеркивает в своей "Народной Монархии" Иван Лукьянович, — ВСЕ ШЛИ ВМЕСТЕ — и Царь, и Народ, и Церковь, поддерживая друг друга в трудные минуты, — а трудными минутами были все минуты нашей исторической жизни, — не давая пошатнуться ни одному устою национальной жизни России — ни Вере, ни Царю, ни Отечеству...

Такой государственный строй мы, народные монархисты, считаем идеальным, этот строй и был идеальным на Московской Руси. И я позволяю себе поднять бокал вина за один из наших боевых лозунгов: НЕ НАЗАД К ПЕТЕРБУРГСКОЙ РОССИИ, А ВПЕРЕД ЗА МОСКОВСКОЙ РУСЬЮ!

Заключительные слова оратора потонули в грохоте аплодисментов и завершились мощными звуками нашего величественного, всегда глубоко волнующего русского национального гимна — "БОЖЕ ЦАРЯ ХРАНИ"! с горячим подъемом, дружно пропетого всеми присутствующими, почтительно ставшими перед большим портретом ЕИВ Великого Князя Владимира Кирилловича.

Во второй, так сказать, неофициальной части банкета речи и выступления чередовались декламацией и военными гусарскими и старыми студенческими песнями, под аккомпанимент гитары (А. Г. Вахэ) и аккордеона (А. И. Красов).

Из этих выступлений прежде всего и хочется и необходимо отметить прекрасную речь радушного хозяина зала Н. П. Харькова, сказавшего сильное слово о Русском Монархе и подчеркнувшего, что Русский Царь никогда ни в каком отношении не был, да и не мог быть по духу своему и по своему высокому призванию диктатором. "Русский Царь, — заключил свою речь Н. П. Харьков, — это прежде всего Носитель и Блеститель православной совести, — нашей, русской совести со всей ее праведностью. И русский народ видел и чувствовал именно таким своего Царя — поверх всех Его достоинств и недостатков. Русский Царь был именно таковым и именно в этом заключался ореол Русской Монархии, ее авторитет, ее святость, ее сила..."

С напряженным вниманием слушали участники банкета вдохновенное слово Н. П. Харькова и долгие аплодисменты сопровождали его горячую речь.

Из других выступлений отметим безусловно талантливое, но излишне скромного литератора и великодушного декламатора А. Г. Макриды, прочитавшего свой небольшой, остроумно написанный и глубокий по мысли рассказ про бездомную собаку и про бездомного сегодняшнего русского человека, развлеченных жутью наших океанных дней... И небольшую, но сердечную речь друга русских монархистов — члена партии австралийских националистов м-ра Альберта Аллена, частого гостя на собраниях местных русских национальных организаций, которые, по его личным наблюдениям и по отзывам многих других, могут быть очень полезны для австралийской общественно-политической жизни.

Выступление м-ра А. Аллена банкет шумно приветствовал и Н. П. Харьков на английском языке передал австра-

KHRUSHCHEV:

el nuevo amo del KREMLIN

Por Eugene Lyons
(Continuación)

Bajo el exterior efervescente de Nikita Khrushchev está el hombre despiadado en extremo, hombre sin escrúpulos, tirano cortado a la medida y por el mismo estilo de Stalin. Tiene el genio de Stalin para la intriga, el chantaje y el asesinato. Capaz es de echar a rodar la mentira más atroz con un aire de seriedad y sencilla candidez. (Su público norteamericano de televisión tuvo una muestra de esto cuando aseguró sencillamente, como de paso, que Kadar representa al pueblo de Hungría.)

Más importante aun; detrás de sus locuaces bufonadas hay una gran fuerza — la fuerza que brota de la fe fanática — y una dureza brutal. Khrushchev es un comunista ortodoxo e inflexible; su mente está herméticamente cerrada a toda duda. El hecho de que haya conservado la vida, que haya prosperado, en tanto que otros miles de camaradas, más débiles o menos mañosos, eran segados por las purgas en su derredor, da la medida de su fibra vigorosa.

Khrushchev llegó a la posición que hoy ocupa por la fuerza bruta. Esta ha sido su especialidad por cerca de 20 años. Ascendió al pináculo del Kremlin en la única forma en que puede escalar la pirámide del poder soviético: trepando sobre montones de cadáveres.

Hoy, a los 63 años de edad, Khrushchev, que probablemente tiene en sus manos más poder que cualquier otro hombre en el mundo, da la impresión de ser un hombre que no se deja atropellar fácilmente. De baja estatura, regordete, con nuca de toro (1,63 metros de estatura y 90 kilos de peso) y calvo como un huevo, tiene orlada la cabeza con un fleco de blanca pelusa. Su flacidez exterior parece esconder una robusta constitución física.

No tiene la "mundología" del intelectual, pero posee en cambio mucho sentido común, gran perspicacia, pujante ambición, inmensa habilidad administrativa y una asombrosa capacidad de trabajo.

Como fue durante mucho tiempo el procónsul de hierro de Stalin en la Ucrania, es política de Moscú dejar creer que es oriundo de aquella tierra; probablemente tenga ascendencia ucraniana, mas lo cierto es que nació el 17 de abril de 1894 en la muy rusa aldea de Kalinovka en la provincia de Kursk, que linda con la Ucrania, y habla aún algo de ucraniano. Su padre fue campesino y jornalero que trabajó en las minas de carbón de la cuenca de Donetz (Donbass).

Después de tres años de recibir la educación que una olvidada escuela de aldea podía ofrecerle, el joven Nikita comenzó a valerse por sí mismo trabajando primero como pastor y luego en las fábricas dependientes de las minas de carbón del Donbass. Se cree que servía como recluta en el ejército del Zar cuando la gran revolución de 1917 derribó el Imperio. Un año después, a la edad de 24, se afilió al partido comunista.

(Continuará)

(Selecciones del Reader's Digest,
noviembre de 1957)

лийскому гостю лучшие пожелания сориентировались и благодарно за доброе внимание к русским националистам, в среде которых ему приятно бывать.

Что сказать о самом банкете? Лучшим ответом является тост, провозглашенный участниками за умелых, энергичных и жертвенных организаторов "Капустника". А главное, — всем было хорошо, все чувствовали себя в своей среде, в кругу своих друзей. Все говорили на одном языке и наглядно сознавали, что ряды русских монархистов тесны, крепки и многолюдны и если где-то там "шумят наши витни", то это преходящее, что в главном мы едины и все верны своему единственно природному и единственно законному Вождю — Наследнику Российского Императорского Престола и Главе Династии Романовых — Великому Князю Владимиру Кирилловичу.

Да, всем было хорошо — среди своих друзей. Ибо поистине, — когда я с другом, я не один и нас не двое!

К. Стоянов

НАША СТРАНА

ОРГАН МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
NUESTRO PAIS
Organo Monárquico Ruso
Editor-Director
VSEVOLOD DUBROWSKY
Monroe 4219, Buenos Aires, Argentina

ПРЕДСТАВИТЕЛИ AMERICA DEL SUR:

Brasil: Leo Rubanov, Caixa postal 8400
Correio Central, Sao Paulo.
Chile: Sr. Nicolás Rogalev, Correo Central
Clasificador F 456, Santiago de Chile.
Venezuela: Sr. K. Kellner, Av. Sarria 24,
Quinta Coromoto (Club Ruso), Caracas.
Paraguay: Sr. A. F. Lapchinsky, M.P.
O. C. Dirección General de Vialedad,
Alberdi esq. Gral. Díaz. Asunción.
U. S. A.

Mrs. M. S. Kingstone, 11 Wolfe ave.
San Rafael, Calif. USA.
Mr. A. Klushkin, 196 — 6th Ave, Apt. B,
San Francisco 18, Calif.
Mr. M. Maltzeff, 1332 Lucille Ave, Los
Angeles 26, Calif.
The Russian National Book Store, 327 E
14th St. New York 3, N. Y.
Allies Book Shop, 3456, Broadway, New
York 31, N. Y.

CANADA

Mr. B. A. Romanovsky, 12036-90 Str.,
Edmonton, Alta.
Mr. A. Kostyria, 6 Argyle St., Toronto 3,
Ont.
Mr. André Alpatoff, 11961, rue Poincaré.
(Bordeaux), Montreal (P. Q.)

EUROPE

Belgique: Librairie et Bibliotheque Slave
— 13, Rue de Roumanie, Bruxelles
France: Mr. A. Krivocheieff, "Kama"
27, rue de Villiers, Neuilly s/Seine,
Seine.
Germany: Frau J. Seuberlich, Wolfsburg
Postfach 142
Grèce: Mr. Filatoff, Rue Dedalou 26,
Athènes.
Norve: Mr. F. Dymsha, Möller gt.
42/III. Oslo. Norve
Holland: G. A. Kolff, Amsterdamse
Weg 96, Arnhem.

AUSTRALIA

Mrs. E. Parker, 28 Queen Bess Str. Bura-
randa, Brisbane, Q.-d.
Polyglot Book Depot, 256 Collins Str.,
Melbourne C 1.
Mr. M. M. Spassovsky, 8, Richmond Str.,
South Wentworthville, N.S.W.

ASIE

Irán: Mr. L. Popov, Manoutcheri Str.,
Koutchek Goudarzi No. 12, Teherán.

Продолжается подписка на
ЕЖЕНЕДЕЛЬНУЮ ГАЗЕТУ

НАША СТРАНА

основанную И. Л. Солоневичем
под редакцией Вс. Дубровского
ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА
Аргентина — 3 песо; САСШ — 30
ам. цент.; Канада — 30 кан. ц.; Бра-
зилия — 6 круз.; Венесуэла — 1
бол.; Уругвай — 40 ур. сент.; Па-
рагвай — 8 гуар.; Чили — 25 чил.
песо; Англия — 1 ш. 3 пенса; Фран-
ция — 60 фр. фр.; Бельгия — 10
бельг. фр.; Швейцария — 1 шв.
франк; Германия — 75 пф.; Иран —
10 риал; Австралия — 1 ш. 6 пенс.
австр.; Марокко — 60 фр.; Италия
— 150 лир; Голландия — 0.65 гуль-
дена; Швеция — 1 шв. кр.

ПО ВОЗДУШНОЙ ПОЧТЕ
САСШ и Канада — 35 цент.; Брази-
лия 8 круз.; Венесуэла — 1.25 бол.;
Парагвай — 10 гуар.; Чили — 50 чил.
песо; Франция — 100 фр. фр.; Гер-
мания — 1 нем. марка; Голландия —
1 гульден...

В розничной продаже и при под-
писке — цена номера одинакова.
Подписную плату настойчиво про-
сим вносить не менее чем за . д е с я т ь .
номеров вперед.

ПОДПИСКА

принимается Редакцией "Нашей
Страны" и ее представителями на
определенное количество порядко-
вых номеров, или на срок на 6 или
на 12 месяцев (подписная плата в
этом случае равна соответственно
стоимости 25-ти или 50-ти номеров)